

- ²¹ Яйленко В.П. Тюрки, венгры и Киев: к происхождению названия города // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985, 40 и сл.
- ²² Schramm G. Die normannischen Namen für Kiew und Novgorod // Russia mediaevalis V, 1. München, 1984, 76 и сл.
- ²³ Lunt Horace G. On Common Slavic // Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику, XXVII—XXVIII. Нови Сад, 1984—1985, 417 и сл., особенно 420—422.

О.Н. Трубачев

ЭТНОГЕНЕЗ СЛАВЯН И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Всем понятен смысл индоевропейской проблемы, центральной и труднейшей проблемы сравнительного языкознания, но сформулировать ее несложно, и притом каждая эпоха вносит свое в эту формулировку. Образ индоевропейского генеалогического дерева с единственным стволом и отходящими от него ветвями, очевидно, устарел, хотя на практике служит и по сей день. Более адекватной кажется сумма этногенезов, или образ более или менее близких параллельных стволов, идущих от самой почвы, т.е. подобие куста, а не дерева; этот образ неплохо передает древнюю полидиалектность, но и он не вполне удовлетворителен, поскольку недостаточно выражает то, что придает индоевропейскому характеру целого. Это целое не ограничивается корнями, но существует, существовало и в виде объединяющих слоев. Таким образом, мы должны изучать частные этногенезы славян, германцев, балтов, греков, армян, фракийцев, иллирийцев, индоиранцев, анатолийцев и других на индоевропейском фоне, а также эти объединяющие их слои.

Узколингвистический подход к индоевропейской проблеме не выдержал испытания временем; индоевропейцы — это не только имя, глагол, аблaut, синтаксис, это и выраженная в языке культура. Значит, задача не только в том, чтобы сополагать независимые результаты языкознания и археологии, но и в том также, чтобы типологию языкового материала продолжить на типологических аналогиях за пределами языка, т.е. в широкотипологическом подходе к этногенезу и к индоевропейской проблеме. Общеметодологическое значение этих исследований не оставляет сомнений, их результат в перспективе призван стать частью нашего самосознания.

Вместе с тем сложность предмета такова, что сохраняют силу и такие слова, сказанные лингвистом: "Наука — это диалог, и никто из нас не может претендовать на то, что он сказал последнее слово".

Один из недавних обзоров происхождения индоевропейцев по итогам языкознания, археологии и антропологии констатирует, что "истоки индоевропейства еще не уловимы археологически"¹. Следом идут признания яроде того, что археология одна не может разгадать начало прагерманских этнических групп². Наконец, при всей вероятности соответствующих этнических перемещений, "в археологических материалах, обнаруженных на территории к северу от Альп и относя-

шихся к периоду предполагаемых переселений, нельзя найти следов того, что какие-то племена с этой территории ушли”³ и т.д. и т.п.

Сторонникам исходного индоевропейского “единства” полезно привести мнение об отсутствии в Центральной Европе единой культуры при эпипалеолите (к которому иногда относят зарождение индоевропейских языков)⁴. Напротив, несравненно ближе к нашему времени, в эпоху поздней бронзы, специалисты находят однородность центральноевропейской культуры⁵. Мы далеки от мысли прямолинейно связывать явления эволюции языка и культурной эволюции, и все-таки факт появления однородности культуры как поздний, иначе — вторичный итог подкрепляет естественную мысль о вторичности выработки, например, единообразной “древнеевропейской” гидронимии.

Напрасно некоторым ригористам-языковедам уже одно признание интеграции языков представляется пережитком марризма⁶. Напротив, очень здраво и сейчас звучит суждение, что образование “ветвей” индоевропейской языковой семьи шло преимущественно через интеграционные процессы⁷, как и указание, что образование крупных племен и народов — сравнительно позднее явление⁸.

Для нас совершенно естественными представляются поэтому следующие слова: "... Любая концепция или метод, которые принимают во внимание и оперируют исключительно одним из этих процессов (конвергенцией или дивергенцией). — О.Т), то есть, не учитывая также одновременного и/или последующего действия противоположного фактора языкового развития, будут неизбежно узкими и тем самым — нереалистичными. Это, скорее, исказит, чем прояснит действительный диахронический процесс языкового изменения". И дальше, там же: "В действительности языковое изменение характеризуется, конечно, постоянным и тонким взаимодействием (interplay) дивергенции и конвергенции, с преобладанием то одной, то другой из них"⁹. Поскольку вся эта исследовательская процедура прямо подводит нас к проблеме реконструкции праязыков, приведем оттуда же суждения и о праязыках, тем более что автор этих суждений весьма внимательно учитывает в дальнейшем и наши критические наблюдения, направленные против унитаристских концепций праязыка как "непротиворечивой модели". Итак¹⁰: "Одна из более серьезных ошибок, все еще совершаемых время от времени в ряде областей генетического языкоznания и, в частности, связанных с восстановлением утраченных праязыков, состоит в воззрениях на исходный праязык как на нечто чисто абстрактное, статичное, само по себе не подверженное изменению ... Но было бы грубой ошибкой не признавать того, что эта теоретически предельная стадия — частный праязык — сама является всего-навсего результатом, или конечным продуктом, более или менее длительного развития этого же самого праязыка".

Недавняя конференция по индоевропейской проблеме (Институт археологии АН СССР, 18—19.XII.1986 г.) весьма явственно продемонстрировала живучесть многих старых представлений. С одной стороны — очевидное, заметное и для археологов накопление разнородного материала, приурочиваемого к исходной языковой стадии, побуждающее некоторых задать вопрос "Праязык ли это?"; с другой

стороны — продолжающаяся апелляция части лингвистов к "условно утифицированному прайзыку", постулирование "исходного единства" этого языка, которое способно лишь усугубить идеально понятые характеристики реконструируемого прайзыка и тем самым — лишь затруднить его понимание, состоящее, между прочим, и в продуктивном соотнесении множащихся в ходе исследований потенциальных древних диалектизмов с искомым прайзыком. Накопление фактической базы неизбежно влечет за собой потребность в теоретическом переосмыслении. Концепция самого прайзыка как продукта развития вменяет идею нивелировки изначальной сложности; считать, что в этом случае "реконструкция теряет смысл", значило бы лишь неоправданно ограничивать возможности реконструкции, у которой в новых условиях возникают новые задачи и новые потенции. Кажется, что новый обмен мнений по индоевропейской проблеме не случайно акцентировал и эту конфронтацию сложного прайзыка и более традиционных убеждений в духе "*de l'unite a la pluralite*" ("слияния допустить невозможно", иначе "невозможно верифицировать" и т.п.).

Выступивший на упомянутой конференции по индоевропейской проблеме О.С. Широков поддержал отстаиваемые мной положения о важности и жизненности конвергенции в истории и развитии языков, сославшись при этом на пример южнославянской группы языков, которые достоверно не представляли исходного единства, но лишь вторично, в ходе консолидации, развили ряд "общено славянских" особенностей. Продолжая размышлять над предметом, я вновь вспомнил Югославию, эту страну типологически интереснейших языковых судеб, и подумал, что пример с южнославянской языковой группой можно в этом смысле сузить и заострить, как то предполагает настоящая серьезная дискуссия. Уж если и сегодня находятся лингвисты, которые полагают, что "без генетического древа нам не обойтись", я бы предложил им, вместо ответа, югославский тест, иными словами, попросил бы их — целиком в духе их убеждений — возвести ныне существующие сербохорватские диалекты прямо к прасербохорватскому языковому единству. Специалисты свидетельствуют, что это затея не только трудная, но и практически невозможная и ее сводили бы на нет многократные вторичные слияния и влияния прежде самостоятельных древних диалектов, чему причиной — характерные особенно для сербохорватской языковой территории в средние века переселенческие движения (метанастичка кретања), которые приводили и к таким серьезным результатам, как приращение сербохорватского за счет части словенского языка (проблема кайкавских хорватов; об этом и о других подобных явлениях см. сейчас в компактной и легкообозримой форме: П. Ивић. Српски народ и његов језик². Београд, 1986).

Заслуживает внимания предпочтение ряда исследователей говорить скорее о торговле, обмене, распространении моды на те или иные произведения культуры, чем о смене населения, миграциях при неолите и в эпоху бронзы¹¹. Дальние пути древности представляются прежде всего торговыми путями, по которым могли следовать и смешанные торгово-военные экспедиции¹². Естественно вследствие этого

не преувеличивать масштабы древних завоеваний, вообще — этнических передвижений. Для последних, наверное, требовался этнический взрыв вроде того, о котором говорят для эпохи железа¹³, раньше же имели место скорее малолюдные инфильтрации (так, к инфильтрации первоначально малочисленных этнических групп сводят сейчас, например, индоевропеизацию Малой Азии).

Как свидетельствуют соответствующие исследования, древний климат не благоприятствовал раннему освоению индоевропейцами Севера Европы, за который упорно цеплялись некоторые исследователи предыдущих поколений: появление человека на юннобалтийском побережье Польши датируется методами палеоботаники около 5500 лет назад, т.е. серединой IV тыс. до н.э.¹⁴ Имеются сведения, что послеледниково заселение районов на север от Судет и Карпат началось лишь с 4000 г. до н.э.¹⁵, причем, надо полагать, как для индоевропейцев, так и для неиндоевропейцев, если существование последних здесь вообще реально. Области более древнего заселения лежали южнее, в Центральной Европе. С середины V тыс. до н.э. засвидетельствована добыча золота в Трансильвании¹⁶, произошедшаяся, по-видимому, индоевропейцами, точнее, их частью, что косвенно говорит об их раздельных племенах с раннего времени. Археолог Е.Н. Черных, выдвинувший несколько сложное понятие Циркумпонтийской металлургической провинции IV—II тыс. до н.э., относит к западному флангу этого региона, населявшегося предположительно индоевропейцами, и золотоносную Трансильванию. Так, к этим золотодобывающим центрам были, видимо, близки германцы времен своей этногенетической консолидации, отнюдь не синонимичной и не синхронной появлению "типов" (пра)германских формально-фонетических особенностей конца I тыс. до н.э. (см. также ниже), ср. общегерманский характер названия золота — **gulpa-* (гот. *gulþ*, нем. *Gold*, англ. *gold*). Очень близко и праславянское название — **zolto* (ст.-слав. злато, русск. золото, есть во всех славянских языках). Древняя изоглосса золота захватывает, далее, лишь частично балтийский (лтш. *zelis*, общебалтийского названия золота нет), возможно, также фракийский. Исконноиндоевропейская этимология этого названия металла по желтому цвету прозрачна до деталей (сюда, кстати, примыкают некоторые другие родственные, но образованные с другим суффиксом, например, индоиранское название золота **žharanya-* < и.-е. диал. **ghel-en-jo-*, при **ghel-t-o-/ghl-t-o-* в других упомянутых выше индоевропейских диалектах). Эта лексика не заимствована из языка другой цивилизации, но создана самими индоевропейцами, которые добывали золото в Среднем Подунавье и Трансильвании.

Как интерпретируется пространственный аспект этногенеза, так называемый топогенез? Вероятно, и здесь должен тщательно разрабатываться типологический подход. Имеющие место в исследованиях апелляции к маленькой латинской прародине, Лациуму¹⁷, заметно ослабляются тем, что в Италии индоевропейские диалекты оказались в чужих, средиземноморских, отчасти навеянных ближневосточными культурными влияниями (наличие их в Этрурии известно) условиях,

в которых пришлые индоевропейцы-италики развивались и дальше, — в условиях города-государства. Думается, что более перспективна лингвистическая концепция пространного индоевропейского диалектного континуума, кстати, лучше согласующаяся с изложенными выше представлениями о взаимодействии дивергенции и (особенно на ранних стадиях развития) конвергенции.

Положение о сходстве индоевропейской цивилизации и древневосточных цивилизаций¹⁸ вызывает различные ответные соображения и прямые сомнения. Археология и лексика свидетельствуют о наличии у индоевропейцев земляночных и малых срубных наземных жилищ, а также об отсутствии храмов, что существенно отличается от ближневосточной модели с ее храмами и храмовыми городами-государствами.

Как и следовало ожидать, четкие элементы ближневосточного устройства находим только у тех индоевропейских и неиндоевропейских обществ, которые оказались далее других углублены в Восточное Средиземноморье, как микенское и минойское бюрократические общества с их централизацией вокруг дворца и храма¹⁹ и этруски с их городами-государствами и другими культурными особенностями, идущими из Малой Азии²⁰.

Нетрудно заметить уже из предыдущего, правда, крайне сжатого изложения, что мы придерживаемся дунайско-севернобалканской концепции индоевропейского протоэтнического ареала, которая уже давно имеет своих сторонников в нашей и зарубежной литературе²¹. Между прочим, переднеазиатские культурные влияния на индоевропейский могут находить удовлетворительное объяснение при локализации индоевропейского очага в севернобалканских и придунайских районах через природный мост между Европой и Малой Азией²².

Два слова о методе. Современная индоевропеистика имеет возможность опереться на интегрированный сравнительный метод, включающий, кроме уже упомянутой типологии, прежде всего сравнение (этимологию) и внутреннюю реконструкцию. Незаменимым резервом лексико-семантической реконструкции служат собственные имена, ономастика, за которыми стоят утраченные лексемы сплошь и рядом забытых языков, что все вместе сопряжено с немалыми трудностями атрибуции (я говорю это, потому что иногда раздавались голоса, призывающие не включать ономастику в аппарат индоевропейской проблемы ввиду описанных трудностей интерпретации; но, при всех трудностях, обойтись в пражзыковых исследованиях без ономастики невозможно, и мы также приводим примеры важности ее свидетельств). В исследованиях формальной структуры индоевропейского корня — пусть медленно и непоследовательно — все же наметился прогресс, выразившийся в том, что не остановились на Бенвенисте, на его трехбуквенной теории индоевропейского корня (при этом, правда, многие не идут дальше этой "канонической" модели), которая опиралась на аналогию семитского трехбуквенного корня и подкупала своей стройностью на определенной стадии, но не охватывала все разнообразие индоевропейской корневой структуры от двухбуквенных до пятибуквенных корней типа *spend-

'совершать жертвенное возлияние', кроме того, эта теория статична и не объясняет раннеиндоевропейское состояние с двухсогласными корневыми словами до появления развитого чередования гласных²³. Что же касается реально-семантической и культурной реконструкции, то должен признать, что тут дело обстоит гораздо менее удовлетворительно, здесь давно остановились на Диомезиле, на его теории трехчастной картины (структуре) мира людей и мира богов, остановились, явно не желая замечать статичность и неадекватность этой теории.

А между тем сама реальность восстановимой картины мира подсказывает другое — то, что можно назвать диалектологией индоевропейской социальной организации и культуры, имея в виду неравномерность ее развития. Ведь не только сакриментальные три класса (жрецы — воины — скотоводы/земледельцы), но и наличие классов вообще маловероятно у ранних индоевропейцев, зато, с другой стороны, бывает рано представлен четвертый класс (ремесленники), у анатолийских же индоевропейцев трехфункциональная модель полностью отсутствует, а у германцев вплоть до римской эпохи были святые женщины-жрицы. Хотелось бы, чтобы наши ученые не так послушно следовали западным шаблонам, неудовлетворительность которых сознается и критикой на Западе. Постулируемое нередко в современных трудах по индоевропеистике наличие развитой социальной иерархии и в целом высокого уровня культуры прайндоевропейского этноса производит стойкое впечатление статичности. Невозможно говорить об адекватности этого "развитого" и "высокого" уровня не только ностратическим — дальним предпраязыковым связям индоевропейского, обычно также постулируемым при этом, но и — собственно раннеиндоевропейской ретроспективе, с которой уместно ассоциировать все же более примитивное состояние культуры и общества. Всё сказанное вынуждает думать об известном отставании теории индоевропейской культурной реконструкции подобно тому, как это выше пришлось констатировать и относительно теорий индоевропейского топогенеза (— пространственно-географического аспекта этногенеза), констатируя и в этом случае торможение теоретической мысли модернизирующими или схематизирующими построениями. Диспропорция такого отставания становится особенно явной, если вспомнить, что в области наиболее продвинувшейся — формально-фонетической реконструкции — индоевропейская теоретическая мысль ушла рискованно далеко, ища, например, истоки индоевропейского звонкого консонантизма в типологически неиндоевропейских звукотипах (глоттальная теория).

Верно, что лингвистика не имеет аналога радиоуглеродной датировке археологии (к последней пытаются иногда приравнять глottихронологию, или лексикостатистику Свадеша, но и она, и ее усовершенствованные варианты не могут серьезно приниматься в расчет, поскольку исходят из равномерности темпов убывания лексики, что не доказано и неприемлемо для разных языков), но лингвистов тоже постоянно занимает глубина реконструкции языкового состояния. Типологически небезынтересно, что, например, достижимая глубина

бина тюркского реконструируемого состояния — всего 550—560 годы н.э.²⁴ Не берусь судить о тюркском, но когда один славист заявляет, что и в славянском глубина реконструкции такая же, приходится возразить, что при этом, видимо, не учитывается лексическая (этимологическая) реконструкция; в осуществляющей через последнюю реконструкции индоевропейского времени разной глубины славянский выступает, напротив, как равноправный индоевропейский партнер. Это можно видеть в случае с праслав. **ođь* как самостоятельным рефлексом и.-е. **ŋgnis*, название огня, известное не во всех индоевропейских языках (нет в германском, греческом) и представляющее собой вероятное новообразование языка и культуры, связанное с древним нововведением обряда кремации (**ŋ-gn̥is* 'не гниющий?'). Праслав. **berza*, русск. *береза*, может быть, еще более яркий пример сохранения современным живым словом восстановимых примет индоевропейского слова (место ударения, количество гласного) и индоевропейского времени, ибо с того момента, как известное дерево стало называться в ряде древних диалектов за свою уникальную кору 'яркая, ослепительно белая' (**bherəg̚os*, **bherəg̚ā*), счет времени ведется на многие тысячелетия. Вообще о березе сказано много, но далеко не все, в том числе как об аргументе при определении праиндоевропейского ареала: она распространена широко, но с неизменным нарастанием признаков рецессивности, деградации с севера на юг²⁵, с фактами перерождения, или подмены наименования именно на Юге ('береза' → 'тополь' на Армянском нагорье²⁶) и при неизменной высокой роли березы в поэзии Северной Европы — в широких пределах²⁷, а последнее — явный архаизм культуры. В различных индоевропейских диалектах, в том числе в славянском, наблюдается живое и активное употребление лексического гнезда **uei-* 'вить' и его производных **uei-n-*, **uo̯i-n-*, **uei-t-*, **uo̯i-t-*, обозначающих что-то вьющееся, витое — 'ветвь', 'лозу', 'иву', 'венок' и лишь вторично — виноградную лозу, постепенно уже в глубокой древности распространявшуюся вплоть до Центральной Европы из своего первоначального южнопонтийско-южнокаспийского ареала.

Основная терминология лошади в индоевропейском исконная. Это относится к и.-е. **eḱuos* 'лошадь', которое вместе с и.-е. **aḱua*'вода', очевидно, родственны и.-е. **ōkis* 'быстрый', как указал еще Розвадовский (в воззрениях массагетов, лошадь — "быстрейшее из всех смертных животных", Herod. I, 216). Кельто-германская изоглосса одного из названий лошади — **markos*, **markā* также лишена приписываемых ей неиндоевропейских ассоциаций (с монгольским, локализуемым в древности в Забайкалье, т.е. в немыслимой дали от индоевропейского, во всяком случае — от индоевропейских языков Европы). Более оправданно видеть и здесь древнюю инновацию европейского очага коневодства (возможно, конкретно фракийско-карпатского? Ср. царское имя *Thia-marcus* у агафирсов, явно включающее также упомянутый конский термин), ср., с другим суффиксом, др.-инд. вед. *márya-* 'жеребец'²⁸. То, что, например, славянский участвует не во всех этих изоглоссах, говорит лишь о древней диалектности индоевропейского. Напротив, и.-е. **su-s* 'свинья' хорошо представлено

в славянском, как и в других диалектах, и подтверждает наличие развитого свиноводства у индоевропейцев, причем языки о сокращении его у индоевропейцев на Ближнем Востоке²⁹ уже сами по себе (наряду, разумеется, с другими фактами) указывают на исходный очаг как свиноводства, так и свиноводов-индоевропейцев в другом месте, в умеренных широтах (этому тезису пытаются противопоставить контраргумент, осмысливающий сокращение свиноводства как стадию культуры, замыкая при этом и начало, и конец свиноводства переднеазиатским ареалом, но основания для подобной универсализации отсутствуют, — вспомним популярность разведения свиней в высокоразвитой земледельческой культуре Китая).

Я и раньше поднимал вопрос о необходимости типологии этногенеза. Сейчас кажется своевременным поставить интереснейший вопрос о взаимной типологии частных индоевропейских этногенезов в свете существующих популярных концепций, ибо, поступив так, мы получим уже хотя бы ту выгоду, что при этом в совокупной картине проступает сразу некая монотонность или шаблонность затронутых концепций, едва ли способствующая раскрытию своеобразия явления. Дело в том, что предыдущие поколения исследователей, отправляясь в своих суждениях от модели "единого" прайзыка, нуждались в объяснении реального своеобразия индоевропейских языков или ветвей и находили его во внешнем воздействии субстрата или суперстрата. Так, весьма распространенной является теория германского этногенеза как напластования индоевропейской шнуровой керамики на доиндоевропейскую мегалитическую культуру. Соответственно популярна теория славянского этногенеза как наслоения индоевропейской лужицкой культуры с запада на часть балтийского языкового ареала.

Что нам мешает в таком случае распространить эту схему и на балтийский этногенез, интерпретировав его как приход с юга индоевропейских племен и наслоения их на восточноевропейскую финноугорскую культуру гребенчатой керамики? Как известно, очень аналогичная концепция прихода фракийцев-фригийцев в Литву Басанавичуса была давно отвергнута за дилетантские этимологии, но ведь в последние десятилетия на материале вполне научных соответствий вновь обосновываются фракийско-дакско-балтийские связи не позднее III тыс. до н.э. (причем, кстати, и в массе безнадежно дилетантских сближений Басанавичуса находятся такие, которые пришла пора реабилитировать, например, названий литовских городов Каунас, Приены и их этимологических дублетов в античной Малой Азии). Осуществляясь эти связи могли лишь в относительной близости к восточной части Балканского полуострова (ареал фракийских и дакских племен), и только после этого протобалтийские диалекты могли начать перемещаться на север.

Мы исходим из постулата древней диалектной множественности и поэтому не ищем ответа на все вопросы в субстрате-суперстрате. Поучительная пестрота мнений, например, о субстрате германского говорит о зыбкости этого понятия, причем одни просто признают этот субстрат, другие относят к нему 30% германской лексики³⁰,

третья считают, что он огромен³¹, тогда как четвертые уверены, что он вообще маловероятен³². В одном западном варианте ответа на вопрос "Кто такие германцы?"³³, помимо различных археологических аргументов, о которых бегло см. выше, делается упор на "архаическую лексику неиндоевропейского происхождения", куда автор относит герм. **hrugna-* 'икра (рыбья)', **dūbōn-* 'голубь' и ряд других слов. Однако давно известно родство первого из них с такими названиями лягушачьей икры из первоначального обозначения крика этих земноводных в брачный период, как русск. диал. *кrek, krёk* 'лягушачья икра', лит. *kurkulał* то же, т.е. это исконная лексика повседневных понятий, которую не было надобности брать из субстрата, как равным образом и германское название голубя (**dūbōn-*, нем. *Taube*), давно объясненное из первоначального названия темного цвета (подобный принцип называния голубя также известен в разных языках). Необходимость этимологической проверки этих утверждений, таким образом, очевидна. Проверка этимологий тем более важна, что сейчас все большие признается этногенетическая важность лексических свидетельств, сравнительно с фонетическими различиями, которые конституировались относительно поздно, в славянском — начиная с I тысячелетия нашей эры, в германском — не ранее середины I тыс. до н.э., тогда как лексические изоглоссы 'золото', 'серебро', 'ржь', 'свинья', 'поросенок', 'рало', 'сеять', 'серп' и многие другие насчитывают к этому времени не одно тысячелетие, а с ними и языковая, и культурная самобытность соответствующих индоевропейских племен.

По этой линии — наличие или отсутствие лексических связей, общих новообразований — идет изучение древнеиндоевропейских диалектов. Констатируется, например, отсутствие соседства древних германцев и древних греков³⁴. Греки — это особая глава индоевропейской проблемы. Утверждения, что греки направлялись в Эгейиду из Малой Азии³⁵, кажутся сомнительными ввиду стойкой античной традиции ионической миграции, наоборот, в Малую Азию из Аттики XI—Х вв. до н.э., которая подтверждается археологически³⁶ и, возможно, лингвистически, ср. 'Αττική (γῆ) — 'Отцовская (земля)', если от *ᾶττα* 'отец'. (любопытен фамильярный статус производящего и производного)³⁷; аналогично μητρόπολις — 'главный город, город-мать' (тоже в отношении колонии). Греки пришли в Грецию, очевидно, с севера, одно из их полулегендарных названий — Δαναοί 'данайцы' — указывает прямо на Дунай, сохраняя архаичную форму названия среднего течения этой реки³⁸. Есть мнение, что традиция о походе аргонавтов на север — это ранняя традиция о "возвращении греков"³⁹. Археологические следы важной проблемы прихода греков в Грецию и Эгейиду, конечно, еще предстоит изучать специалистам.

Армяне — столь же обособленная индоевропейская ветвь, как и греки, но их пути и контакты затрагивают многие другие индоевропейские группы. И в данном случае мнение, чтоprotoармянский лишь незначительно перемещался внутри Малой Азии, наталкивается на лингвистические противоречия. Даже если оставить пока в стороне крайние концепции — о встрече праславян и праармян на

Украине⁴⁰ или о соседстве армян с индийцами к северу от Черного моря⁴¹, не говоря уже о киммерийской теории генезиса армянского⁴², то палеобалканские связи и истоки армянского до его появления в Малой Азии и на Армянском нагорье остаются вне всяких сомнений. Достаточно сослаться на известную традицию Геродота о том, что "армяне — фригийские колонисты". Сами фригийцы, бывшие, видимо, следующей волной балканских переселенцев, известны в Малой Азии уже со II тыс. до н.э. Все это население имеет прочные корни среди балканских индоевропейцев, где оставались близко родственные бригийцы и пеоны. Для предыстории армян особенно интересны последние, чей этноним Παιόνες, продолжающий древнее *raɪ̯(u)es 'луговые (жители)', ср. более краткую старую форму в составе близкого этнонаима Παιό-πλαι⁴³, проливает новый свет на само-название армян *Hayk'* < *raj̪es, в результате чего армяне, эти записные жители гор, тоже оказываются первоначально 'луговыми, долинными' (связь с названием страны *Haçasa* менее вероятна, как, впрочем, и с этнонимом *Hatti*, что побуждает некоторых вообще признавать этноним *Hayk'* неясным). Пеоны, мизийско-фригийское племя, владели речными долинами Фракии⁴⁴, они сидели и на реке Εργίων (современная Црна река, т.е. 'черная река', в Македонии, бассейн Вардара), что этимологически тождественно ('Εργίων) арм. *erek* 'вечер' (т.е. 'темнота')⁴⁵. От рек Вардара и Струмы следыprotoармян восходят еще дальше на север, где в Дунай в Румынии впадает река *Vedea*, этимологически — 'вода', в своей огласовке взаимно покрывающаяся с фриг. βέδυ и арм. *get* 'река'. Ареной известных наук сепаратных изоглосс армянского с греческим и с древнеиндийским реально могло быть древнее Подунавье с примыкающими районами.

Значительное количество общих изоглосс обнаруживают также армянско-славянские языковые связи. Из них мы выделим соответствие названий железы: арм. *getj* — слав. *železa⁴⁶. Если из этого же этимологического материала славянские и балтийские языки развили общее новообразование — название железа, что позволяет датировать интенсивные балто-славянские контакты с эпохи железа, т.е. около 500 г. до н.э., то армянско-славянские контакты фиксируют лишь дометаллическую семантику этого корня — 'комочекобразная субстанция, железа', что свидетельствует о времени до появления болотного железа — эпоха бронзы или неолита (II тыс. — начало I тыс. до н.э.).

Западнобалканские индоевропейские племена — иллирийцы — простирались довольно далеко на Север — до Силезии, временами — до Балтийского моря. Концом II тыс. до н.э. датируют их перемещение (обратное?) к Югу⁴⁷. Возможно, что это как-то сказалось и на уходе италийских племен в Италию из относительно более северных мест в Центре Европы. Наверное, именно северные иллирийцы, или иллиро-венеты, причастны к созданию лужицкой культуры. Именно эти племена с такой особой лексикой, как *delm- 'овца' (апеллятивно сохранилось в албанском, а в ономастике — *Dalmatia* и близкие названия — от собственно Далмации на юге до следов в Восточ-

ной Германии), *daksā ‘море’ (от Эпира на юге и Адриатики до следов в Германии и Чехии), племенными названиями типа *Liccavici* (сохранилось до средневековья на западнопольских землях), местными и водными названиями типа *arson-, *serm-, *tarā, оставили следы так называемого третьего этноса на позднейшей границе германцев и славян. Ясно одно, что носителями исконной лужицкой культуры не были ни кельты, ни итальянские племена. Ввиду присутствия северных илирийцев (венетов) в роли упомянутого пограничного “третьего этноса” их участие одновременно в славянском этнообразовании трудно вообразимо. Еще менее реален “лужицкий” суперстрат иной этнической принадлежности (например, итальянской), принимаемый некоторыми учеными для объяснения славянского этногенеза, поскольку уже во II тысячелетии вероятно продвижение итальянских племен из Центральной Европы в Италию (см. выше).

Начиная с Лер-Славинского, существует теория этногенеза славян как результата наслаждения этих загадочных археологических “лужичан” на протобалтов. Лингвистически здесь многое спорно, вплоть до позиции самого балтийского (не центральная, а, видимо, относительно периферийная). Чистота и бессубстратность балтийского мнима, ср. указание на финноугорский как древний субстрат балтийского⁴⁸. Противоречия протобалтийской концепции возникновения праславянского обозначились еще у Лер-Славинского, который указал на более тесные западно-индоевропейские связи славян, чем балтов⁴⁹. Последующие разыскания углубили этот аспект, что вызвало необходимость “развести” балтов и славян в том, что касается их этнообразования.

Таковы, в самых скучных чертах, предпосылки современной дунайской теории праистории славян⁵⁰. Ее обоснований — этимологических, конкретно-лингвистических — в действительности много больше, чем можно представить здесь, поэтому приходится ограничиться самыми общими и выборочными. Возражения против дунайской теории славянского этнообразования необходимо и дальше изучать, однако вряд ли прав В.В. Седов (устное высказывание), датирующий инфильтрации с Дунаем на север от Карпат не древнее IV в. до н.э. и полагающий при этом, что эти инфильтрации уже застали славян на польских землях, чему там противоречит уже одно наличие неславянской индоевропейской номенклатуры (гидронимии), очевидно, более древней, чем появление на этих же землях славян.

Мы разделяем мнение, что “проблема прародины славян самым тесным образом связана с теориями о прародине индоевропейцев”⁵¹, хотя существуют и прямо противоположные суждения⁵². Будучи языками-сатэм, и славянские, и балтийские языки развили инновацию в виде ассимиляции палатальных задненебных согласных. Судя по этой инновационной особенности, они находились внутри индоевропейского ареала. Однако и здесь серьезные различия: слав. *s* < **ts* < **k*; балт. *š* < **tš* < **k* (попытки примирить и объединить обе линии развития следует признать неудачными).

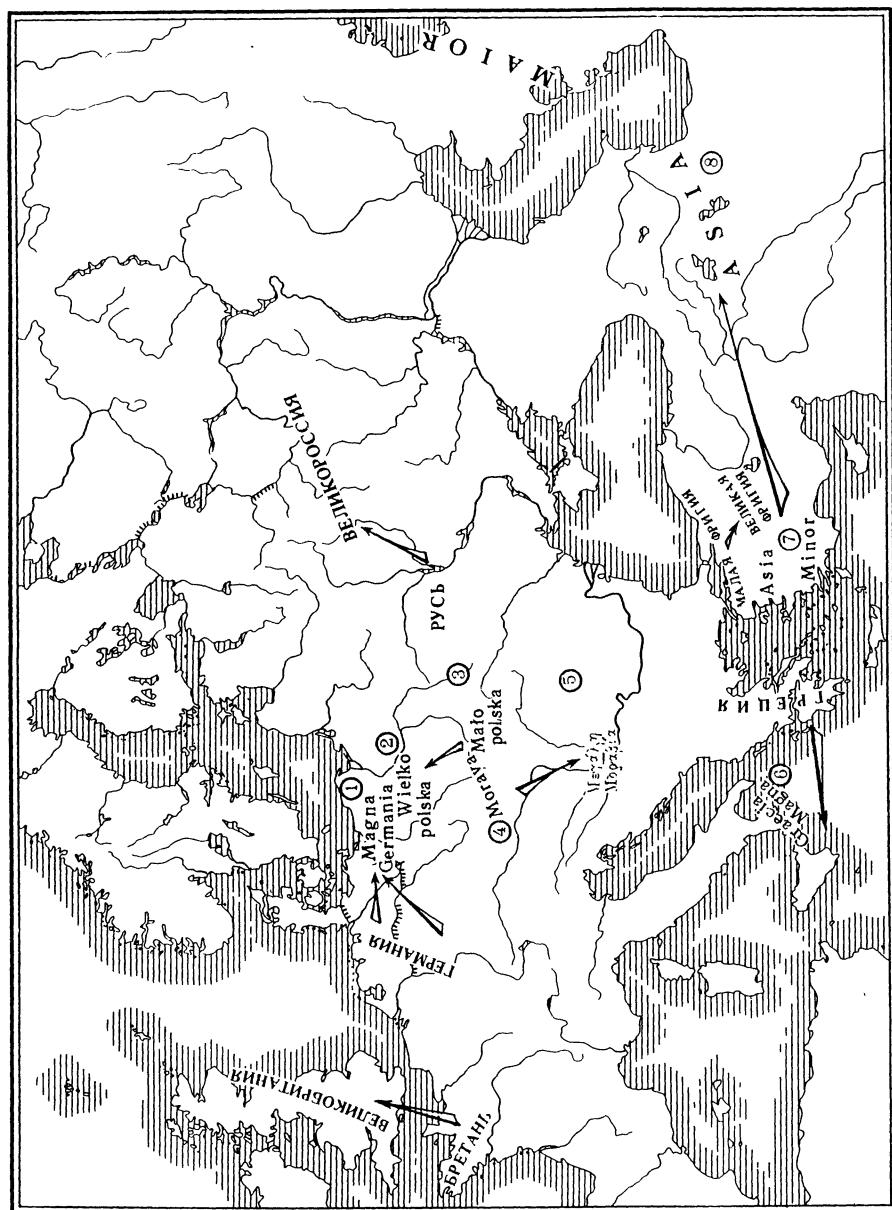
Балты позднее стали распространяться на Запад и вышли на Янтарный путь. О Дунае они узнали от славян еще позже. Славяне рано

стали пользоваться известным кельтско-германским названием **du-naj/*dinau*, относившимся к Среднему и Верхнему Дунаю, однако замечательно, что они не знали древних названий Нижнего Дуная, например *"Istrōs*. Из поля зрения древних славян выпал, таким образом, фракийский сектор реки. Это соответствует уже отмечавшимся преимущественным древним связям между фракийским, дакским и балтийским⁵³. Славяне ориентировались с древности на связи с германцами, кельтами, италиками, иллирийцами, т.е. с западными индоевропейцами. В последние десятилетия удалось выявить важные свидетельства древних латинско-славянских связей в названиях окружающей природы типа *paludem* — **polovodje* и др. и названиях культуры⁵⁴.

В отличие от западных связей праславян, их связи с восточными индоевропейцами как бы постэтногоничны, взять хотя бы известные славяно-иранские отношения (не древнее середины I тыс. до н.э.), которые отражают религиозное влияние на славян, но совершенно не затрагивают элементарные понятия и природу. Есть признаки аналогичного индоарийского влияния на славян. Распад индоиранцев на две ветви носит в Северном Причерноморье окончательный характер, хотя каждый "распад" лишь закрепляет и старое диалектное членение и новую консолидацию. Любопытно, что некоторые индоарийские (праиндийские) изоглоссы, возможно, выступают еще в Карпатском регионе. Так, уже Соболевский связал название притока Тисы *Hornád* с др.-инд. *nādī* 'река'⁵⁵; мы можем добавить ряд местных названий с элементом *-nad*, известных исключительно в Трансильвании и Банате: *Pănade*, *Tăşnad*, *Tuşnad*, *Cenad*⁵⁶. Известная *Nitra* в Словакии находит теперь объяснение как связанная с древней формой (**neitrā*) др.-инд. *neitrā* 'проход'⁵⁷.

Реальнее всего было бы при этом представлять себе распространение этих этносов из Карпатского бассейна на Восток, т.е. как центробежное. Ярчайшим примером такого центробежного ухода на Восток из Центральной Европы служат, очевидно, индоевропейские носители фатьяновской культуры междууречья Волги и Оки. Время, место и направление их ухода, а также контакт с финноугорскими культурами делают заманчивым предположение в фатьяновцах крайневосточных кентумных индоевропейцев — тохаров. Это оправдывалось бы и наблюдениями лингвистов об особо длительных сношениях именно тохаров с финноугарами, наложивших отпечаток на тохарский консонантизм; эти контакты, будучи древними и долгими, следует локализовать к западу от Урала, вблизи от древнего финно-угорского ареала (предположительно — Волго-Камье). Другие индоевропейцы в роли фатьяновцев, например балты, маловероятны ввиду связей фатьяновцев с Центральной Европой и территорией Польши, тогда как протобалты до II тыс. до н.э. ориентировались на связи с древними племенами Восточных Балкан (см. выше).

В то время как ряд исследователей разделяет мнение о движении с Востока на Запад как основном направлении индоевропейских племен, мы бы выделили мысль о характерности центробежных распространений из некоторого центральноевропейского ареала. Особо-

Карта. Отражения центробежной модели 'Великая страна' в географической номенклатуре

бенно показательны здесь разнонаправленные движения приближительно из одного и того же центра: италики — на Юг, упомянутые безымянные археологические фатьяновцы — на Восток (и те, и другие предположительно — во II тыс. до н.э.). Эта древняя тенденция жила долго и даже породила любопытную в плане культурно-лингвистической типологии этническую модель, которую мы назовем 'Великая страна'. Эта модель никакой великородственности и шовинизма в себе не таит, хотя так подчас думают, начиная с Плиния, который связывал название *Magna Graecia* с "кичливостью" греков, пришедших якобы в восторг по поводу красот вновь освоенной страны. На самом деле *Magna Graecia* выражает ориентацию "новой" Греции (Нижней Италии) относительно старой метрополии, Эллады. Равным образом Великобритания названа так относительно материальной Британи, Великороссия — относительно Руси изначальной, лишь под воздействием своего коррелята ставшей Малороссией, далее ср. Великопольша и ее оппозит — более южная (и раньше освоенная) Малопольша; закончим довольно древней и потому интересной для нас парой Малая Фригия — на ближайшем к Европе малоазиатском берегу Пропонтиды — и Великая Фригия — дальше на юго-восток вглубь Малой Азии (да и сама Малая Азия, *Asia Minor*, *Μικρὰ Ἀσία* разумеется, представляет собой вторичное название страны, за освоением которой последовало расселение по Азии дальнейшей, иногда действительно называемой — гл. обр. в учченых трудах — *Asia Maior*, Великая Азия). В глазах искушенного читателя эти названия — неплохие дорожные указатели миграций из мысленного центра Европы (см. карту).

Что же еще дает индоевропейская проблема, особенно — такого, что может интересовать не одну только индоевропейскую проблему? Индоевропейская проблема — это также индоевропейская диалектология, что, впрочем, мы старались показать с самого начала, и, кажется, из всех диалектологий индоевропейская диалектология первой столкнулась наиболее явственно с непреодолимостью феномена изначального диалектного членения. Можно, конечно, проглядеть и этот урок, но лучше — усвоить его с вниманием и пользой. Я имею в виду по-прежнему ощущимый вред унитаристской исходной концепции всякого, особенно — древнего языка. Когда крепко верится в исходное единство, любое накопление фактов известной самобытности диалекта, скажем, древненовгородского диалекта, способно вызвать, говоря кратко, две реакции (обе, заметим, в общем неправильные): одна из них, с легкостью зачисляемая в ретроградные настроения, — это если усматривать здесь посягательство на единство древнерусского языка; и вторая, тоже неоправданная — с ее готовностью относить феномен ко "всему прогрессивному", — это когда оживаются толки о "гетерогенном" образовании русского языка вообще или о "двух" слившихся в нем языках (такие утверждения, кстати, уже проникли в широкую печать). Язык не бывает бездиалектным, самобытность древних диалектов может быть и большей, а язык существует — один, если пространственный континuum диалектов перекрывается выработанным ими же междиалектным и над-

диалектным объединяющим слоем, с постулата которого мы и начинали свое изложение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Kilian L. Zum Ursprung der Indogermanen. *Forschungen aus Linguistik, Prähistorie und Anthropolologie*. Bonn, 1983, 111.
- ² Polomé E. Methodological approaches to the ethno- and glottogenesis of the Germanic people // Mannheim Symposium 1984: Entstehung von Sprachen und Völkern, 16.
- ³ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, 96.
- ⁴ Polomé E. Op. cit., 156.
- ⁵ Coles I.M., Harding A.F. The Bronze Age in Europe. An introduction to the prehistory of Europe c. 2000—700 BC. London, 1979, 336.
- ⁶ Mańczak W. W sprawie czasu i miejsca zapożyczeń germańskich w prasłowiańskim // International journal of Slavic linguistics and poetics, vol. XXIX, 1984, 13.
- ⁷ Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства // V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, 11.
- ⁸ Pisani V. Baltisch, Slavisch, Iranisch. // *Baltistica* V(2), 1969, 135.
- ⁹ Birnbaum H. Divergence and convergence in linguistic evolution // ICHL 6 (отд. отт.), 2, 3.
- ¹⁰ Там же, 3.
- ¹¹ Thomas H. The Indo-Europeans in the IV and III millennia. Ed. by E. Polomé. Ann Arbor, 1982. 63; Coles I.M., Harding A.F. Op. cit., 16; Häusler A. Kulturbeziehungen zwischen Ost- und Mitteleuropa im Neolithikum? // *Inscr. mitteldt. Vorgesch.* 68, 1985, 41.
- ¹² Ožďáni O. Zur Problematik der Entwicklung der Hügelgräberkulturen in der Südwestslowakei // *Slovenská archeológia* XXXIV, 1, 1986, 50.
- ¹³ Polomé E. Op. cit., 4.
- ¹⁴ Łatałowa M. Warunki przyrodnicze osadnictwa prahistorycznego w okolicach jeziora Żarnowieckiego w świetle badań paleobotanicznych // *Archeologia Polski*. T. XXX. Sesz. 2. 1985, 261 и сл.
- ¹⁵ Nalepa I. Miejsce uformowania się Prasłowiańszczyzny // *Slavica Lundensia* I. Lund, 1973, 60.
- ¹⁶ Polomé E.C. Who are the Germanic people? // *Festschrift M. Gimbutas*.
- ¹⁷ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления (По поводу статей И.М. Дьяконова в ВДИ, № 3 и 4) // ВДИ, 1984, № 2, 108, сн. 8.
- ¹⁸ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II, Тбилиси, 1984, 884—885.
- ¹⁹ Ilievski P. Hr. Pisani podaci o zemljoposedničkim odnosima na Balkanu iz kasne bronzone epohe // Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. God. XXIV (Centar za balkanološka ispitivanja. Kn. 22). Sarajevo, 1986, passim.
- ²⁰ Socha I. /Рец. на кн.:/ А.И. Немировский. Этруски. М., 1983 // Eos. Vol. LXXIII. Fasc. 2, 1985, 372.
- ²¹ Горнунг Б.В. Указ. соч., 11; Nalepa J. Op. cit., 58—59; Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?). М., 1964, 19; Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов I // ВДИ 1982, № 3, 12.
- ²² Горнунг Б.В. Указ. соч., 12.
- ²³ Андреев Н.Д. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986, 35—36.
- ²⁴ Pritsak O. The Slavs and the Avars. Estratto da: Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo XXX. Spoleto, 1983. 385.
- ²⁵ Atlas linguarum Europae. Vol. I, 2-ième fascicule. Assen/Maastricht, 1986, Carte 24: *bouleau*.
- ²⁶ Сараджева Л.А. Армяно-славянские лексико-семантические параллели. Ереван, 1986, 351.
- ²⁷ Friedrich P. Proto-Indo-European trees. The arboreal system of a prehistoric people. Chicago; London, 1970, 27.
- ²⁸ Grassmann H. Wörterbuch zum Rig-Veda³. Wiesbaden, 1976. Sp. 1010.

- ²⁹ Гамкелидзе Т.В., Иванов В.В. Указ. соч., II, 595—596.
- ³⁰ Milewski T. Diferencjacja języków indoeuropejskich // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa, 1965. Wrocław etc., 1968, 67.
- ³¹ Gimbutas M. Primary and secondary homeland of the Indo-European studies, vol. 13, Nos. 1—2, 1985, 200.
- ³² Polomé E. Op. cit., 60.
- ³³ Polomé E.C. Who are the Germanic people? // Festschrift M. Gimbutas, passim.
- ³⁴ Polomé F.C. Some comments on Germano-Hellenic lexical correspondences // Festschrift Alinei, passim.
- ³⁵ Гамкелидзе Т.В., Иванов В.В. Указ. соч., II, 899.
- ³⁶ Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike in fünf Bänden. München, 1979, Bd. 2, Sp. 1436—1437.
- ³⁷ См. еще: Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, 25. Прочие объяснения 'Аттиκή — из 'Αθηναϊκή 'афинский, -ая' или от 'άκτή 'берег' (?) — просто кажутся малоубедительными.
- ³⁸ Schmid W.P. Griechenland und Alteuropa im Blickfeld des Sprachhistorikers. Θεσσαλονίκη 1983 (Ανατυπο από την Επιστημονική επετεροίδα της Φιλοσοφικής σχολής...), 408.
- ³⁹ Bačić J. The emergence of the Sklabenoi (Slavs), their arrival on the Balkan peninsula, and the role of the Avars in these events: revised concepts in a new perspective, Columbia university Ph. D. 1983. University microfilms International. Ann Arbor; Michigan, 1984, 65.
- ⁴⁰ Galab Z. The ethnogenesis of the Slavs in the light of linguistics (отд. отт.).
- ⁴¹ Порциг В. Указ. соч., 239.
- ⁴² Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973, 165, 204, 217.
- ⁴³ Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. II. Wien, 1959, 85.
- ⁴⁴ Tomaschek W. Die alten Thraker. Nachdruck. Wien, 1980, 8.
- ⁴⁵ Duridanow I. Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln; Wien, 1975, 26—27; Katičić R. Ancient languages of the Balkans. Part. I. Mouton, The Hague; Paris, 1976, 147.
- ⁴⁶ Сараджесева Л.А. Указ. соч., 132.
- ⁴⁷ Порциг В. Указ. соч., 131.
- ⁴⁸ Ванагас А. Хронологические пластины иноязычных топонимов Литвы // ZfS 30, 6, 1985, 869.
- ⁴⁹ Lehr-Spławski T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, 38, 42.
- ⁵⁰ Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян (I—VI) // ВЯ 1982. № 4—5; 1984. № 2—3; 1985. № 4—5; Birnbaum H., Merrill P.T. Recent advances in the reconstruction of Common Slavic (1971—1982). Slavica publishers, Columbus, Ohio, 1985, 78 и сл.; Birnbaum H. Indo-Europeans between the Baltic Sea and the Black Sea // The Journal of Indo-European studies. Vol. 12. N 3—4, 1984, 253—255; Birnbaum H. Noch einmal zu den slavisch-en Milingen auf der Peloponnes // Festschrift für H. Bräuer. Köln; Wien, 1986, 24—25; Kunstmann H. Die Namen der ostslavischen Derevljahe, Polocane und Vylynjane // Die Welt der Slaven, Jg. XXX, 2. München, 1985, 235.
- ⁵¹ Rysiewicz Z. O praojczyźnie Słowian // Z. Rysiewicz. Studia językoznawcze. Wrocław, 1956, 92.
- ⁵² Walczak B. / Рец. на кн.:/ W. Mańczak. Praojczyzna Słowian. Wrocław etc., 1981 // Lingua posnaniensis XXVII, 1984.
- ⁵³ Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. I. Die thrakis- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969, passim, особенно с. 100.
- ⁵⁴ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 392—393; Galab Z. Kiedy nastąpiło rozczerpnięcie językowe Bałtów i Słowian? // Acta Baltico-Slavica XIV, 1981, 123—124; Friedrich P. Op. cit., 173—174; Schelesniker H. Die Schichten des urslawischen Wortschatzes // Anzeiger für slavische Philologie, Bd. XV/XVI, 1984—1985, 77 и сл.
- ⁵⁵ Соболевский А. Славяно-скифские этюды. XVII // ИРЯС, т. I, кн. 2, 173.
- ⁵⁶ Трубачев О.Н. Indoarica в Скифии и Дакии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, 152.
- ⁵⁷ Трубачев О.Н. "Старая Скифия" (Ἀρχαῖη Σκυθ(η)) Геродота (IV, 99) и славяне. Лингвистический аспект // ВЯ. 1979. № 4, 44.